

«Владимирский полихрон», созданный при митрополичьем дворе в конце первой четверти XV в., включил, наряду с «Повестью о Едигее», другие исторические повести, сложенные незадолго до этого.⁴ В повести о побойше на Дону,⁵ в «Слове о житии великого князя Дмитрия Ивановича»⁶ отчетливо ощущаются ноты общерусского патриотизма и вместе с тем выделена роль московского князя, личность которого окружена священным ореолом.⁷

Особо следует сказать о вошедшей в «Полихрон» «Повести о московском взятии от царя Тохтамыша», созданной в конце XIV в.⁸ Используемый в «Полихроне» вариант этой повести содержит восторженное славословие в честь великокняжеской столицы: «град велик, град чуден, град многочеловечен, в нем же множество людий, в нем же множество огосподства».⁹

И все же, при всей промосковской направленности митрополичьих сводов первой половины XV в., они еще не шли дальше простого восхваления Москвы, ее князей и «святых покровителей». Содержание этих сводов не подтверждает распространенное в дореволюционной и современной зарубежной литературе мнение о том, что главным толчком к возникновению официальной идеологии Московского царства явилось фактическое установление автокефалии русской церкви после Флорентийской унии и падения Византийской империи.¹⁰ Летопись тех лет отозвалась на эти события лишь весьма краткими известиями. А тот комплекс историко-политических идей, который открыл собой новую фазу в формировании идеологии русского централизованного государства, появился в летописных сводах не в сороковых годах (после Флорентийской унии) и не в пятидесятых (после взятия Царьграда турками), а лишь в семидесятых годах XV в.

Этот сдвиг в идейном содержании летописей был связан прежде всего с крупными переменами во внутренней жизни России: ведь оба новых великокняжеских свода семидесятых годов (1472 и 1479 гг.) появились по свежим следам новгородских походов Ивана III, сразу же после окончательного присоединения Новгорода к Московскому государству. И именно в рассказах об этих походах впервые с полной силой прозвучала мысль о единстве исторического процесса на территории Руси — с киевской поры до современной автору эпохи.¹¹

В соответствии с духом того времени мысль эта приняла форму утверждений о единстве правящей династии. Летопись передает мнение Ивана III о том, что новгородцы (так же как и остальные жители Руси) «от Володимера даже и до сего дни его род знали един и правилися всем

⁴ А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 157.

⁵ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, Л., 1925, стр. 311—322; т. XXVII, стр. 71—76.

⁶ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, стр. 351—366; т. XXVII, стр. 82—87.

⁷ В. П. Адрианова-Перетц. Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича царя Русьскаго. — ТОДРА, т. V, М.—Л., 1947, стр. 91; А. В. Соловьев. Епифаний как автор «Слова о житии Дмитрия Ивановича». — ТОДРА, т. XVII, М.—Л., 1961, стр. 102.

⁸ М. И. Тихомиров. Малоизвестные летописные памятники. — ИА, т. 7, М., 1951, стр. 211.

⁹ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, стр. 336; т. XXVII, стр. 79; т. XVI, СПб., 1889, стр. 127; т. XXVI, стр. 150.

¹⁰ М. Дьяконов. Власть московских государей. СПб., 1899, стр. 60; Н. Schaefer. Moskau das Dritte Rom. Hamburg, 1929, стр. 15; С. Goumanoff. Moscow the third Rome. — The Catholic historical review, 1955, vol. 40, № 4, стр. 435.

¹¹ Вне летописной традиции эта тема развивалась и ранее. См.: Д. С. Лихачев. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого. М.—Л., 1962, стр. 11.